ВСЕГДА
РЯДОМ
СЛУХ
ТАЙНА СПИТ В ПРЕДМЕТАХ
А ОНИ — В ЛЮДЯХ
OroDelOro

Oro Oro
Слух

https://litres.ru/74698667
SelfPub; 2026

Аннотация

Новый конфликт в паре. Они вместе, но Дамиан без титула и без кольца, а Юлия платит за дар частями себя. Главный риск теперь в доверии, а не в угрозе извне.

Тайна матери. Живая или мёртвая? Союзница или нет? Ответ должен быть неоднозначным.

Усложнение дара. После Круга Юлия слышит не только вещи, но и людей: намерения, ложь, чужие голоса. Это и сила, и пытка.

Содержание

Слух 4
Глава 1. Лиговка 5
Глава 2. Январский совет 18
Глава 3. Слух 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Oro Del Oro
Слух

Слух

Вторая книга. Глава 1

Глава 1. Лиговка

Первый снег лёг на город в субботу, и я почему-то решила, что это хороший знак.

Не то чтобы я верила в знаки. Но после октября у меня появилось странное доверие к совпадениям: если ночи удалось заставить отступить, то и снегу можно позволить быть просто снегом.

— Тебе не холодно? — спросил Дамиан, не отрываясь от дороги.

— Ты спрашиваешь в четвёртый раз.

— Это только четвёртый?

Он вёл сам, как всегда, когда дело касалось чего-то личного. Артём трижды предлагал ехать за нами во второй машине. Дамиан трижды ответил, что мы едем в бабушкин дом, а не на операцию. Артём сказал «разумеется» тем тоном, которым говорят люди, уже решившие, что поедут всё равно, и теперь где-то позади нас, в трёх кварталах, наверняка тащилась серая тень на колёсах. Мы оба делали вид, что не знаем об этом.

Лиговский проспект в субботу утром был живым и немного растрёпанным: гремели трамваи, из булочных тянуло тёплым хлебом, у остановок сутулились люди с картонными стаканчиками. Дома стояли вдоль него, как старые родственники на семейном фото: облупленная штукатурка, лепные мас-

ки, окна, заклеенные на зиму. Я смотрела на них и думала, что прошла по этому проспекту сотни раз и ни разу не подняла головы выше вторых этажей.

— Здесь, — сказала я, сверившись с запиской Пал Палыча. — Через арку.

Двор оказался колодцем: четыре глухие стены, узкий квадрат неба наверху, из которого медленно сыпались крупные хлопья. Посередине замёрзший фонтан без воды и скамейка под тонким слоем снега. Парадная с чугунными перилами, стёртыми ступенями, запахом кошек и старого дерева.

— Четвёртый этаж, — сказала я. — Справа.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. — Я остановилась, положив ладонь на перила. Левая рука в перчатке, правая голая, как я теперь ходила. — Просто так лучше идти.

Перила молчали. Не шептали, не гудели: уважительно ждали, пока я пройду. Я поднималась и думала, что так, наверное, ведут себя вещи, которым давно не задавали вопросов.

На четвёртом этаже справа стояла дверь, обитая потёртым коричневым дерматином, без таблички, без звонка. Только замочная скважина, в которую я вставила железный ключ, потемневший, с резной бородкой.

Ключ повернулся с первого раза, мягко, как будто его ждали.

Дверь открылась, и меня накрыло запахом.

Тмин. Сушёные яблоки. Лёгкий дымок. Тот самый запах из бабушкиной кухни, который я двенадцать лет носила в памяти, как последнюю вещь, которую у меня нельзя отнять. Он стоял в воздухе густой, тёплый, почти осязаемый, и у меня подогнулись колени.

Дамиан подхватил меня под локоть. Не сказал ни слова.

— Всё хорошо, — сказала я. — Просто запах.

— Я знаю.

Мы вошли.

Квартира оказалась длинной, тёмной и удивительно чистой. Коридор тянулся вглубь здания, как тоннель, с дверями по обе стороны, и я поняла, что это бывшая коммуналка, но бабушка, видимо, выкупала комнату за комнатой, пока весь этаж не стал её. Потолки высокие, паркет скрипучий, на стенах выцветшие обои с мелким цветочным рисунком. Ни пыли, ни паутины, ни запаха заброшенности. Как будто хозяйка вышла за хлебом и вот-вот вернётся.

И дом молчал.

Не так, как молчал особняк на Старо-Никольской, где память выжгли дочиста. Этот дом молчал так, как молчит человек, который выслушал твой вопрос и ждёт, когда ты закончишь, чтобы ответить. Я стояла в коридоре с голой правой рукой и чувствовала себя так, будто пришла в гости к очень вежливому, очень старому существу, которое не хочет меня пугать.

— Он ждёт, — сказала я тихо.

— Чего?

— Не знаю. Когда я что-нибудь спрошу, наверное.

Дамиан осторожно прикрыл дверь за нами и остался у порога, не заходя дальше. Я обернулась.

— Что?

— Это твой дом, — сказал он. — Можно войти?

— Дамиан. Ты уже вошёл.

— Правило есть правило.

У меня предательски защипало в глазах, и я быстро отвернулась.

— Можно, — сказала я. — Входи.

Кухня была в самом конце. Квадратная, с высоким окном и большим деревянным столом. На столе стоял самовар, тёмный, потёртый, и две чашки, вымытые и перевёрнутые вверх дном на чистом полотенце. Две. Я смотрела на них очень долго. Бабушка перед отъездом приготовила два места. Для себя. И для меня.

На подоконнике рядами стояли банки: тмин, сушёные яблоки, мята, зверобой, что-то ещё мелкое и тёмное. Над плитой висела связка сушёных грибов. Я подошла к столу и провела по нему голой правой ладонью.

Дерево отозвалось не картинкой, не голосом, а теплом. Как отзывается домашняя собака, когда её гладишь по голове. Приятно, спокойно, чуть сонно.

— Смотри, — сказала я шёпотом. — Он не кричит.

— Не кричит, — согласился Дамиан. Он стоял в дверях

и смотрел на меня так, как смотрят на человека, который впервые за долгое время вернулся домой. — Это хорошо?

— Это... — Я не нашла слов. — Бабушка говорила: «Руки — не твоя беда. Это твой дом». Я думала, она говорила про руки. А она говорила про это. Про место, где они могут быть просто руками.

Он ничего не ответил. Просто подошёл и встал рядом, плечом к плечу, и мы смотрели на две чашки, перевёрнутые на полотенце, пока у меня не перестал дрожать подбородок.

* * *

Мастерская оказалась в третьей комнате по коридору.

Большая, светлая, с окном во двор. У стены швейная машинка, старый «Зингер» с ножным приводом, чёрный, потёртый. На подоконнике выстроились катушки: нитки всех цветов, от угольно-чёрной до цвета слоновой кости. Вдоль стен шли стеллажи с картонными коробками, и на каждой бабушкиным мелким ровным почерком было выведено имя.

Я подошла ближе и прочла. Потом ещё. Потом перестала читать, потому что в горле застрял комок.

«Н. Ефимова, 1971». «Л. А. Шорин, 1974». «М. Кочетова, 1980». «П. Берг, 1986».

Я узнала эти имена. Лев Андреевич Шорин. Мария Кочетова. Павел Берг. Те, кого я выкрикивала в подвале, одно за другим, в темноту, сквозь шесть колоколов. Те, кого камень хранил, как цветы между страницами.

Я сняла с полки одну из коробок. Открыла.

Перчатки. Женские, тонкая серая лайка, аккуратный шов на указательном пальце левой руки. Не мои, не бабушкины. Чьи-то чужие, сшитые на чужую руку и никогда не надёванные.

Я открыла другую. Мужские, кожаные, потёртые на кончиках пальцев: ношеные. Третья: детские, крошечные, на семилетнюю.

— Она шила их не только для меня, — сказала я.

— Для всех, кто слышал, — тихо произнёс Дамиан за моей спиной. — Тех, кого она нашла.

— Тех, кого она не успела спасти.

На столе у швейной машинки лежала толстая тетрадь в коленкоровом переплёте. Я открыла её. Страницы были исписаны в два столбца: слева имена, справа даты, суммы, пометки. Размеры. «Левая — шире. Не жмёт?» «Для работы с металлом: двойная подкладка». «На вырост».

Но в графе имён стояли пустые строки.

Я смотрела на тетрадь и видела цифры, даты, пометки. Видела, как ровными линиями расходятся столбцы. И в левом столбце, там, где должны были стоять имена, видела белое. Не стёртое, не вырванное. Просто белое, как поверхность замёрзшей лужи.

— Дамиан, — сказала я. — Тут нет имён.

Он подошёл, заглянул мне через плечо.

— Есть, — сказал он. — Много. Я читаю: «Ефимова Н.», «Шорин Л. А.», «Кочетова М.». Это те же, что на коробках.

— Я не вижу.

Мы оба замолчали. Я поняла сразу, что это. Не слепота и не усталость. Плата. Камень забрал у меня не только улицу и вишнёвое варенье. Он забрал что-то, что бабушка записала в этой тетради, и теперь для моих глаз это место было пустым.

— Читай мне, — сказала я. — Вслух. Всё, что видишь в левом столбце.

Дамиан взял тетрадь. Голос у него стал ровным, чуть глуховатым, как у человека, который читает приговор, не зная, к кому.

— «Ефимова Н., семьдесят первый. Шорин Л. А., семьдесят четвёртый. Кочетова М., восьмидесятый». — Он листал. — Берг, Берг, Васильев. Девяносто первый, девяносто второй. — Пауза. — Девяносто третий. «Вера. Две пары. На вырост».

Я вздрогнула.

От слова «Вера» по спине пробежал холод. Не страх: узнавание. Такое, какое бывает, когда в чужом разговоре слышишь знакомую фамилию и не можешь вспомнить, откуда. Что-то во мне встрепенулось, потянулось к этому имени, как цветок к свету, и тут же упало обратно. Пустота. Белое.

— Что? — спросил Дамиан.

— Это имя. Я его знаю.

— Какую Веру?

— Не помню. — Я потёрла виски. — Но я её знаю. Или знала. Это то, что камень забрал, понимаешь? Не человека.

Память о человеке.

Дамиан молча перечитал строку ещё раз. Потом провёл пальцем по полю тетради, где под самой записью, мелко, карандашом, стояло несколько слов.

— Здесь пометка, — сказал он. — Она читается с трудом. «Передала в Рассвет. Иначе нельзя. Пусть будет жива».

— В Рассвет, — повторила я.

— Девяносто третий год. Девочка, которую нужно было увезти из города, потому что она слышит. Ксения шила ей перчатки «на вырост», потому что знала: девочка будет расти там, где ей придётся их носить. — Он помолчал. — Я не знаю ни одной Веры ни в клане, ни в совете. Но Ланская знает.

— Она предлагала мне чай.

— Она предлагала тебе много чая. — Голос его был сухим. — Теперь я понимаю почему.

Я закрыла тетрадь. Руки у меня не дрожали, и это было странно: я ждала, что будут. Но вместо страха пришла холодная, ясная злость. Не на Ланскую и не на Аркадия. На камень, который выпил из меня имя девочки, о которой бабушка заботилась до последнего.

— Я найду её, — сказала я.

— Мы найдём.

Я посмотрела на него.

— Ты сказал «мы».

— Я учусь, — ответил Дамиан.

* * *

Фотографию мы нашли в ящике стола под тетрадью, завёрнутую в кусок мягкой ткани, как будто бабушка не хотела, чтобы она касалась дерева.

Чёрно-белая. Зернистая. Снятая с высоты, должно быть, с балкона, во дворе, который я узнала сразу: чёрные деревья, узкая арка, часть фасада с женскими масками, у которых ещё были глаза. Вокруг каменного колодца, того самого, что я видела под куполом, стояли шестеро в тёмных пальто. На снегу лежала их длинная тень.

На обороте карандашом: «Старо-Никольская. Март, девяносто третий».

Я смотрела на лица. Пять. Молодой, хмурый Святослав, ещё без седины. Два мужчины, которых я не знала. Аркадий с тростью, в тёмном костюме, и даже на этой старой карточке видно было, как он улыбается. И дальше, у самого края снимка, молодая женщина с тёмными волосами, собранными в тугой узел, и лицом, на котором эмоции были запрещены ещё в то время.

— Ирина, — сказал Дамиан очень тихо.

— Ирина Львовна?

— Ей было тридцать. Она работала секретарём моего отца. — Он замолчал. — Я не знал, что она стояла в Круге.

— Она не на плите. Она стоит рядом.

— Это ничего не меняет.

Я перевела взгляд на шестую фигуру.

Её не было. Вернее, она была, но кто-то аккуратно выре-

зал её ножницами: ровный, чистый силуэт, пустота в форме человека. От неё остался только край рукава и узкая, тонкая рука в светлой перчатке, которая торчала из-под бумаги, как забытая птица.

На руке кольцо. Я не видела камня, только тонкую серебряную полоску.

— Шестая, — сказала я.

— И сорок второе. — Дамиан не отрывал глаз от фотографии. — Кто-то вырезал её лицо. Не бабушка, судя по линии, рука была другой. Кто-то старательный. Тот, кому она слишком хорошо знакома.

— Или тот, кому очень нужно, чтобы мы не узнали.

Он вздохнул и вдруг сел на низкую скамеечку у швейной машинки, неловко, как человек, у которого подкосились ноги. Я села рядом. На дворе уже темнело, за окном загорались жёлтые квадраты чужих кухонь.

— Ирина всегда знает, — повторил он. — Я всегда так говорил. Вопрос в том, что она с этим делает.

— Мы спросим.

— Не сегодня.

— Не сегодня, — согласилась я.

Мы просидели в мастерской до сумерек. Потом Дамиан сходил за чем-то в машину, вернулся с бумажным пакетом, в котором оказались хлеб, сыр и банка вишнёвого варенья. Я посмотрела на банку, потом на него.

— Артём, — сказал Дамиан. — Он велел не возвращаться

без этого.

Я засмеялась. Впервые за день. И тут же, неожиданно для себя, расплакалась. Он сел рядом, прижал меня к плечу, ничего не говоря, и мы сидели так, пока за окном совсем не стемнело.

* * *

Дом нас не выгонял.

Я спросила его вслух: «Можно мы останемся до утра?» И сама почувствовала себя глупо, как человек, который разговаривает с кошкой. Но в коридоре что-то негромко скрипнуло, в кухне тихо щёлкнул старый радиатор, и по всей квартире потянуло тёплым воздухом, как будто кто-то издалека открыл дверь.

— Он согласен, — сказал Дамиан.

— Ты слышишь?

— Я слышу, как работает отопление. Но из уважения к дому я готов назвать это согласием.

Мы устроились на старом диване в гостиной под бабушкиной шалью. Я положила голову ему на плечо и смотрела, как за окном медленно падает снег.

— Мне кажется, — сказала я, — что он нас слушает.

— Дом?

— Угу. Стены. Они могут молчать, но молчат так, как молчат соседи через тонкую перегородку.

— Пусть слушают. — Дамиан улыбнулся мне в волосы. — Они видали и не такое.

— Откуда ты знаешь?

— Они стояли шестьдесят лет рядом с твоей бабушкой.

Я рассмеялась и подняла лицо. Он смотрел на меня так, как смотрят на человека, который каждый раз удивляет. Я поцеловала его. Тихо, медленно, с привкусом вишнёвого варенья. Руки его легли мне на спину, и шаль съехала на пол, и где-то в коридоре, в самую неподходящую секунду, громко хлопнула дверь.

Мы оба замерли.

— Ветром, — сказал Дамиан.

— Здесь нет сквозняка.

— Значит, он нам что-то сказал.

— Что?

— Что ему пора заняться другим делом. — Он прикоснулся лбом к моему. — Лампа.

Лампа в коридоре, единственная, которая горела, тактично погасла. В комнате остался только тусклый снежный свет от окна.

Я не стала спорить.

Позже, когда Дамиан заснул, а за окном всё так же шёл снег, я лежала с открытыми глазами и слушала. Не вещи, не дом. Просто тишину. Тёплую, живую, густую, как варенье.

Потом осторожно встала, подошла к стене в коридоре и приложила к ней голую ладонь.

Стена не говорила. Она ждала.

Я закрыла глаза и спросила, как учила когда-то бабушка:

не руками, а голосом. Не касаясь, а слушая.

«Кто вырезал её лицо?»

Тишина продлилась долго. Так долго, что я решила, что ошиблась. А потом откуда-то из самой глубины дерева и штукатурки, очень тихо, почти без звука, пришёл голос.

Женский. Знакомый до боли. Не из камня, не из видения: просто из памяти дома, которая осталась здесь, как запах тмина в занавесках.

«Ищи там, где поют».

И всё. Снова тишина. Только за окном падал снег, а в комнате на диване ровно дышал человек, которого я не хотела терять.

Я стояла в коридоре с ладонью на стене, не плакала и не звала её. Просто слушала.

Дом ответил. Теперь надо было узнать, где у этого города поют.

Глава 2. Январский совет

В день совета Артём разбудил меня стуком в дверь и словами:

— Юлия Андреевна, у вас два часа и одно платье.

— Почему одно?

— Потому что Лидия вчера всю ночь не спала и принесла вам четыре, но вы, по её словам, выберете именно то, которое она ненавидит. Поэтому она оставила его одно и повесила так, что вы не сможете от него отвернуться.

Платье висело на двери ванной. Тёмно-синее, строгое, с высоким воротом и без единой лишней детали, и я поняла, что Лидия её ненавидит, потому что оно слишком хорошо мне идёт.

Перчатки я надела левую. Правую оставила голой.

Это стало моей привычкой за два месяца, и никто больше не вздрагивал. Артём перестал косо смотреть, Лидия перестала вздыхать. Только Дамиан каждый раз смотрел на мою свободную руку так, как смотрят на подарок, которого не ждёшь и боишься спугнуть.

Он ждал меня у лифта, как тогда, в октябре. Тёмный костюм, белая рубашка, никаких украшений. Без перстня он до сих пор казался мне немного неполным, как портрет без рамы. Но он сам, кажется, уже привык.

— Ты нервничаешь, — сказала я.

— Я не нервничаю.

— Ты третий раз поправляешь манжету.

— Она сидит неровно.

— Она сидит идеально. — Я взяла его за руку, за левую, где не было кольца. — Дамиан. Что бы они ни решили...

— Я знаю.

— ...мы всё равно будем жить в одном городе и ходить по одним улицам.

Он усмехнулся. Лёгкая, быстрая улыбка, от которой у него на щеках появились две тонкие линии.

— Это самое утешительное, что мне говорили перед советом.

Зал на тридцать девятом был тем же, но казался другим. Длинный стол из тёмного дерева, тридцать пять кресел, из которых занято было почти всё. Тридцать пять колец. Шесть рассыпались вместе с Кругом, одно было у Дамиана, и теперь оно лежало на бархате в центре стола, треснувшее и безжизненное. Я не сразу поняла, что это не украшение, а напоминание.

Гул камней вокруг меня был не таким, как раньше. Не колокольный и не победный. Скорее как гул пчелиного улья, где кто-то только что разбудил королеву.

Я села на скамью у стены, в стороне от стола, где отвели место для «сопровождающих». Рядом уселся Артём. За спиной Ирины Львовны, у третьей колонны, стоял молодой человек в тёмном костюме и светлых ботинках. Игнат.

Дом Рассвета прислал наблюдателя, как предписывал старый обычай: когда решается судьба главы дома, каждый из трёх домов имеет право на свидетеля.

Он заметил мой взгляд и вежливо кивнул.

— Совет открыт, — сказала Ирина Львовна.

Она сидела во главе стола, в серой шерстяной кофте и жемчужной нитке, прямая, как всегда, и голос её разошёлся по залу ровно, без усилия. Я смотрела на неё, на ухоженные руки, на уложенные волосы, и пыталась представить тридцатилетнюю секретаршу из черно-белой фотографии. Не получалось.

— Первый вопрос повестки. Святослав.

За последней колонной открылась дверь, и в зал ввели большого человека с руками как лопаты. Он шёл медленно, без наручников, без охраны, как человек, который сам себя давно осудил. Лицо его изменилось за эти недели: осунулось, постарело. Он остановился перед столом и не поднимал глаз.

— Святослав Игоревич, — произнесла Ирина Львовна. — Вы признаёте участие в заговоре против главы дома?

— Признаю.

— Вы знали о Круге?

— Знал.

— Вы знали, что трое людей будут...

— Знал, — сказал он глухо. — Не знал, что они живы. Он говорил, что нет.

В зале зашептались.

— Зачем?

Святослав молчал долго. Потом поднял глаза, и я увидела в них не злость и не страх. Усталость. Ту самую, что я слышала в ванной у Дамиана на рассвете.

— У меня дочь, — сказал он. — Алёна. Ей двадцать шесть. Она болеет с детства, врачи давно развели руками. Аркадий Леонидович сказал, что Круг может её вылечить. Что это единственный шанс.

На мгновение в зале стало очень тихо.

— Он лгал вам, — произнесла Ирина Львовна.

— Я знаю. — Святослав опустил голову. — Теперь знаю.

Совет по закону требовал смерти. Старого, ночного закона, который я прочитала накануне в одной из тех книг, что Дамиан молча положил мне на тумбочку. Предателю дома, поднявшему руку на главу, смерть. Без суда, без права на ответ.

Дамиан встал.

Он встал медленно, без дрожи, и я увидела, как у людей в креслах меняются лица. Он больше не был главой дома. Он стоял перед столом простым человеком в тёмном костюме. Но когда он заговорил, никто не перебил.

— Я прошу Совет не применять закон, — сказал он ровно. — Святослав служил моему отцу тридцать лет и присягал ему, а не мне. Он не мог знать, что присягает убийце. Он ошибся, как ошибаются люди, у которых больной ребёнок. — Он помолчал. — Я прошу передать его гражданско-

му суду. Пусть отвечает по их законам. И пусть Алёне найдут врачей.

— Дамиан, — тихо сказал Родион из своего кресла. — Это слабость.

— Это кодекс, — ответил Дамиан. — Совет может его нарушать. Я не буду.

Я почувствовала, как внутри что-то согрелось. Не от гордости. От чего-то более тихого и опасного.

Голосование было коротким. Двадцать один голос против четырнадцати. Святослава увели. Он обернулся у самой двери, посмотрел на Дамиана и ничего не сказал. Но губы его шевельнулись. Я не расслышала слов.

— Второй вопрос повестки, — сказала Ирина Львовна. — Избрание главы дома.

Зал выдохнул, и стало ясно, что именно этого здесь ждали все.

Родион поднялся первым. Он сделал это красиво: плавно, с улыбкой, одной рукой застёгивая пуговицу пиджака. В левой он держал бокал. Мне кажется, он не расставался с ним даже во сне.

— Друзья мои, — произнёс он тепло. — Родные. Мы пережили страшные недели. Мы потеряли отца, потеряли друзей, потеряли покой. Некоторые из нас потеряли и кольцо. — Он слегка поклонился в сторону Дамиана. — Я не хочу никого обидеть. Мой двоюродный брат повёл себя достойно. Но дом не может обходиться без камня. Дом не может ждать.

И я предлагаю свою кандидатуру. Не как замену Дамиану, а как временную меру, пока мы...

— Пока мы что? — спросил кто-то.

— Пока не найдём способ вернуть камень законному наследнику. — Родион улыбнулся шире. — Разумеется.

Я слушала и чувствовала странное. Не злость. Что-то вроде зуда, как будто в ухе застрял тонкий шершавый звук. Фраза Родиона звучала гладко, красиво, правильно. И одновременно в ней что-то было не так, как в пустой чашке с невидимой трещиной.

Я не поняла. Просто отметила.

Ирина Львовна подняла руку.

— Родион Валерьевич, ваша кандидатура принята к рассмотрению. Есть ли другие?

— Я предлагаю Дамиана, — сказал кто-то с дальнего конца стола.

— Принято.

Дамиан не пошевелился. Он стоял, глядя на бархатную подушку с треснувшим кольцом, и я не могла прочитать его лицо.

— Дамиан Аркадьевич, — сказала Ирина Львовна. — Вы согласны?

— Я согласен выслушать решение Совета.

— Хорошо. — Она сложила руки на столе. — В таком случае у меня есть предложение, которое, как мне кажется, поможет Совету принять решение.

В зале стало слишком тихо.

И я подумала: «Вот сейчас».

— Среди нас присутствует Юлия Андреевна Лебедева, — сказала Ирина Львовна и повернула голову в мою сторону. — Слышащая. Первая за тридцать лет. Единственная, кто может читать камень. Дом обязан ей жизнью своего главы и тремя жизнями, возвращёнными из Круга.

Она выдержала паузу.

— И дом обязан позаботиться о её безопасности. Я предлагаю внести Юлию Андреевну в реестр дома как ценный ресурс. Её дар будет использоваться по решению Совета, в интересах всех. Взамен дом гарантирует ей защиту. — Она взглянула на Дамиана. — И Дамиан Аркадьевич сохранит за собой титул главы, пока Юлия Андреевна остаётся под рукой дома.

Зал загудел сразу, как будто в улей бросили камень.

Я не двинулась. Только медленно, очень медленно, почувствовала, как холодеет правая рука, та, что была голой.

«Ценный ресурс». «В реестр дома». «Использоваться по решению Совета».

У меня была бабушка, которая двенадцать лет учила меня одному: никому не давать права распоряжаться твоими руками.

— Нет, — сказал Дамиан.

Он сказал это не громко. Но слово упало на стол, как нож, и голоса стихли.

— Дом не будет вносить Юлию в реестр. Она не ресурс.

— Дамиан Аркадьевич, — спокойно произнесла Ирина Львовна, — вы пока не глава дома. Вам не решать.

— Я решаю за себя. Если ради титула нужно сделать из человека вещь, то я откажусь от титула.

— Вы его уже потеряли.

— Тогда мне терять нечего.

И тогда я встала.

Не потому что он не справлялся. Он справлялся. Просто это мои руки, и мой голос, и моя жизнь, и мне вдруг стало ясно, что пора им прозвучать самим.

— Позвольте мне ответить, — сказала я.

Тридцать пять лиц повернулись ко мне. Я чувствовала их взгляды на коже, как лучи фонарей. Моя левая рука в перчатке сжалась в кулак, правая, голая, осталась открытой, и я заметила, что многие смотрят именно на неё.

— Меня о чём-нибудь спрашивали? — продолжила я. — Кто-нибудь здесь спросил меня, согласна ли я быть ресурсом? Или решили, что раз я слышащая, то и вопроса не нужно?

Тишина.

— Я прочитала ваш закон. «Ресурс дома» подлежит учёту, хранению и использованию. Это то, что не говорит. Я говорю. — Я шагнула вперёд, не отводя глаз от Ирины Львовны. — Я архивист. Я знаю, чем отличается человек от инвентарной описи. Мои руки принадлежат мне. Так было, когда ме-

ня звали Юлией Лебедевой из третьей категории архивного отдела, так будет и сейчас. Если кому-то в этом зале нужен мой дар, пусть попросит. Как просят у людей. Я могу согласиться. Могу отказать. Но не по реестру.

Я замолчала. В ушах у меня стучало.

Никто не пошевелился. Артём рядом со мной сидел с каменным лицом и, кажется, не дышал. Родион, вертя бокал, смотрел на меня с живым интересом, как смотрят на редкое насекомое. Игнат у колонны слегка улыбался.

Ирина Львовна не моргнула.

— Любопытно, — сказала она.

И я почувствовала, как внутри у меня что-то дёрнулось. Не ухом, не рукой, чем-то новым, ещё не названным. Слово «любопытно» было сказано ровно, спокойно, правильно. Но в нём, как в чашке с невидимой трещиной, звенела тонкая, едва заметная нота. Не ложь. Что-то рядом с ложью.

Я снова отметила и снова не поняла.

— Тогда, — сказала Ирина Львовна, — голосование о главе не может состояться. Условие предложено, условие отвергнуто. Дому нужен глава под рукой слышащей или без неё, но с камнем или без камня, а мы не можем обеспечить ни того ни другого.

Она обвела взглядом зал.

— Совет откладывает решение до весеннего равноденствия. До этого времени дом ведёт Совет под моим председательством. Возражения?

Возражений не было. Родион пожал плечами, как человек, который в проигрыше не потерял ничего. Дамиан медленно сел.

Я тоже села. Ноги дрожали, и я только сейчас заметила, что ладонь моей голой руки вся в красных следах от ногтей.

— Хорошо сказано, — тихо произнёс Артём рядом. Он не повернул головы. — Если вам когда-нибудь понадобится увольнение, обращайтесь, я составлю заявление.

* * *

В коридоре у лифтов меня догнала Ирина Львовна.

Она шла одна, без свиты, без секретаря, и шаги её по паркету были совсем неслышными. Я остановилась. Она тоже остановилась, на расстоянии вытянутой руки, и посмотрела на меня долго, как смотрят на документ, который прочитали два раза.

— Вы поступили правильно, Юлия Андреевна.

— Вы предлагали это не всерьёз?

— Я предлагала проверить, как вы ответите. — Она слегка наклонила голову. — Вы сказали вслух то, чего этот дом боялся сорок лет: что слышащая человек. Совет теперь это запомнит. Это дороже любого реестра.

— Вы могли просто спросить.

— Могла. Но вы бы ответили иначе. — Она чуть-чуть улыбнулась, самым краем рта. — Люди отвечают честнее, когда их загоняют в угол.

Это было, пожалуй, самое циничное и самое точное, что

я слышала за последнее время.

— Вы стояли в Круге, — сказала я.

Улыбка исчезла.

У меня в голове мелькнуло: «Дамиан сказал, не сегодня». Но слова были уже на языке, и я не успела их проглотить.

Ирина Львовна не дрогнула. Только на секунду, на одно крошечное мгновение, глаза её стали очень старыми.

— Я стояла там не по своей воле, — сказала она тихо. — Больше я ничего не скажу. Ни вам, ни Дамиану. И вам не советую спрашивать вслух в этом доме: стены здесь слушают лучше, чем вы думаете.

Она повернулась и пошла прочь по коридору. Я смотрела ей вслед и понимала, что на этот раз во фразе не было ни трещины, ни фальшивой ноты. Только усталость.

И это пугало меня больше всего.

Родион поймал меня у лифта.

Он выскользнул из дверей, поправляя манжету, и встал рядом, как будто мы давно стояли вдвоём.

— Юлия Андреевна, вы были великолепны.

— Спасибо.

— Я говорю искренне. — Он поднёс бокал к губам, левой рукой. — Я бы доверил вам собственное досье. Но только после того, как вы пообещаете не читать его пальцами.

Он улыбнулся, и я услышала это снова. Не в словах. В голосе: тонкую, дрожащую, как неправильно натянутая струна, ноту. Ничего конкретного, ничего, что можно было бы

предъявить. Но я теперь слышала её отчётливо, и от этого по спине пробежал холодок.

— Не буду, — сказала я.

— Вот и прекрасно. — Он слегка поклонился. — Мы с братом, знаете, не такие уж и враги. Просто... по-разному смотрим на вещи.

Он ушёл. Я стояла и думала, что впервые за три месяца чувствую себя так, будто всё это время плыла по течению, а теперь кто-то выдернул из-под меня дно.

Игнат нашёл меня уже у лифта, когда двери открывались. Он вежливо приблизился, держа в руках конверт.

— Юлия Андреевна. Лариса Евгеньевна просила передать вам лично. Простите, что сейчас, после совета, но она хотела, чтобы вы получили это до выходных.

Конверт был плотный, кремовый, пах чем-то лёгким, цветочным. Я не взяла его сразу.

— Что это?

— Приглашение. — Игнат улыбнулся. — Зимний вечер Хора Рассвета. В субботу, в семь, в нашем доме на Каменной набережной. Лариса Евгеньевна очень надеется вас видеть. И вашего жениха, если он найдёт время.

Хор.

Слово упало во мне, как капля в тёмную воду.

«Ищи там, где поют».

Я взяла конверт. Игнат поклонился и ушёл, не оглядываясь.

* * *

В машине Дамиан молчал почти до самой башни. Потом остановился у светофора, и в тишине, под тихое тиканье поворотника, сказал:

— Они хотят, чтобы мы пришли.

— Я знаю.

— Это ловушка.

— Конечно, — сказала я. — Но это ловушка, в которой лежит Вера.

Он посмотрел на меня.

— Ты услышала «хор».

— Я услышала дом, — сказала я. — Он сказал: «Ищи там, где поют». Я не хотела говорить тебе до совета.

— Почему?

— Потому что ты бы начал волноваться, а у тебя и так хватало.

Дамиан не стал спорить. Он слегка сжал руль и улыбнулся уголком рта.

— Мы справимся, — сказал он.

Я кивнула. И в ту же секунду, в одно короткое мгновение, услышала это.

Тонкое. Почти неуловимое. Как волосок на старой пластинке, который цепляет иглу всего на один оборот. В его ровном, тёплом, самом честном голосе на свете прозвучала ничтожная, крошечная, неправильная нота.

Я замерла.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — сказала я.

Светофор переключился на зелёный. Машина тронулась.

Я смотрела на дорогу и убеждала себя, что это усталость. Что я просто слишком много слушала в последние часы. Что мой новый дар просто ещё не научился отличать правду от того, что произносится вслух с слишком большим усилием.

Я почти поверила.

Но ночью, лёжа рядом с ним, я долго не могла уснуть и всё прокручивала в голове тот короткий, едва слышный сбой. И думала о том, что единственный голос на свете, которому я доверяла безоговорочно, впервые за всё время прозвучал неправильно.

Глава 3. Слух

К понедельнику я поняла, что мир лжёт.

Не злонамеренно, не из подлости, а так, как лжёт воспитанный человек в воспитанном обществе: мелко, вежливо, на каждом шагу. Раньше я этого не слышала. Раньше мне хватало того, что вещи кричали, а люди только молчали. Теперь люди заговорили, и оказалось, что говорят они совсем не то, что думают.

— Доброе утро, Юлия Андреевна, — сказал лифтёр на тридцать восьмом. — Вы прекрасно выглядите.

Нота дрогнула. Крошечный срыв, как будто пианист тронул не ту клавишу и тут же сделал вид, что так и задумано.

— Вам понравился завтрак? — спросила горничная.

— Очень, — сказала я.

Снова эта нота. Мой собственный голос. Я не любила овсянку и всегда её терпела, и, оказывается, это было слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.